

ПОЛИТЭКОНОМИЯ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

О.Л.Яременко, д-р экон. наук

Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

МЕХАНИЗМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Исследуется механизм институциональных изменений, который включает в себя стабильную институциональную основу, институциональные инновации и разрушение институтов как отображение эндогенного процесса их исторического старения или стохастичных по своей природе шоков экзогенного характера. Рассматривается роль функциональных связей как своеобразных "иммунных сил", которые защищают систему от несанкционированного проникновения деструктивных институциональных влияний извне. Доказывается, что сбои в упроченных связях нарушают меру единства институтов и функций, вследствие чего система теряет целостность и самодостаточность, открывается для восприятия новой информации и формирования нового системного качества.

В современной экономической науке вопрос относительно основы изменений хозяйственных систем принадлежит к числу фундаментальных. Как ни парадоксально, именно очевидность и неизбежность изменений мешали и мешают теоретическому осознанию важности и сложности феномена изменчивости как содержательного аспекта хозяйственной деятельности.

Латентной предпосылкой высокой эффективности функциональных подходов в рамках неоклассической школы является их концентрация на стойких, неизменных закономерностях максимизации полезности. Развитие науки шло и идет путем углубления анализа этих закономерностей. Об этом довольно наглядно свидетельствует список нобелевских лауреатов в области экономики за последние годы. Факт изменчивости существенных условий выносится за рамки предмета экономикс при помощи стандартного предостережения "при прочих равных условиях". Такой методологический прием (концентрация теоретических инструментов на тех сторонах объекта, где инструменты наиболее эффективны) является обязательным для каждой более-менее успешной научной теории. Наука не может перескочить через познавательные возможности своего метода. Она объясняет свой объект в тех границах, которые позволяет ей теоретический инструментарий.

Однако в начале XXI века количество важных событий и процессов в сфере изменений в экономике очевидно начинает перевешивать важность условий текущего равновесия. В перспективе социальный запрос на анализ изменчивости и переходности может стать главным фактором, от которого зависят роль и место нашей науки в обществе. Поэтому изменения должны стать таким же предметом экономической науки, как и условия максимизации полезности. Институциональный анализ хозяйственных систем – один из возможных теоретических подходов для системного изучения явления изменчивости в экономике.

Институт как традиция, норма, как безусловный способ хозяйственного поведения является чем-то стойким, неизменным, стабильным. Поэтому вопрос о механизмах институциональных *изменений* имеет определенный парадоксальный смысл: почему и как изменяется неизменная основа хозяйственной жизни? На наш взгляд, решить этот вопрос возможно только на основе четкого осознания противоречивой природы институционального измерения экономических систем.

Специфическое место института как понятия в системе теоретического видения хозяйственной деятельности систем может быть раскрыто с помощью такого методического приема, как различение *функций и правил*. Действие, осуществляемое субъектом в рамках определенной хозяйственной *функции*, отделяется от последней и становится *институтом*, когда принимает для большинства деятельных субъектов безальтернативный (что само собой разумеется) характер. То есть наиболее эффективный порядок действий, становясь институтом, приобретает атрибуты обычности, традиции, универсальности и всеобщности, снимая тем самым с субъекта бремя неопределенности, оценки и выбора¹. Уже в этом различении заложена возможность минимизации за счет использования институциональных форм расходов хозяйственной деятельности, включая и те, которые Р.Коуз назвал трансакционными.

Иногда в экономической науке встречаются теоретические конструкции, которые полностью растворяют вещевую, застывшую форму института в его деятельной основе. Например, английский экономист XIX века Ф.Уокер так определял суть денег: "Money is what money does"² (Деньги – это то, что они выполняют). Однако при таком подходе теряется существенное отличие между альтернативными и безальтернативными экономическими действиями, что значительно суживает аналитические возможности понятия "институт" как теоретического инструмента. Ведь выполняемые деньгами функции могут быть как однозначными, общепринятыми и безальтернативными для данной эпохи, для данного уровня экономического и технологического развития, так и инновационными, построенными на активном и позитивном использовании субъектами фактора неопределенности для наилучшей реализации индивидуальных целей.

Если бы институты (в частности, деньги) всегда и во всем исчерпывающе отвечали своим конкретным функциям, то такая экономическая система могла бы безболезненно развиваться в полном соответствии с экзогенными и эндогенными факторами эволюции, адекватно реагируя на любые изменения технологии и организации производства. Однако, как известно из истории экономики, такое автоматическое адаптивное развитие возможно только на коротких промежутках. На длинных же – институциональная инерция служит одним из основных факторов, детерминирующих скачкообразный, неравномерный и поэтому чрезвычайно неопределенный характер эволюции экономики. Поэтому в исследовании эволюции экономических систем обязательно следует учитывать наличие *стойких* и инерционных институциональных конструкций, выступающих заданными условиями хозяйственной деятельности и в какой-то степени всегда *абстрагированных* от ее содержания. Имманент-

¹ Норт Д. Институції, інституційна зміна та функціонування економіки / Пер. з англ. І.Дзюб. – К., 2000. – 198 с.

² Харрис Л. Денежная теория. – М., 1990. – С.17.

ная институтам возможность автономного (от условий, их порождающих) существования порождает периодические разрывы (несоответствия) внутри экономической системы, когда наилучший способ действий превращается в неэффективный, но все еще общепринятый: "Сохранение старой программы действий в рамках новой среды приводит к возрождению нестабильности и непредвиденным или недооцененным негативным последствиям для экономических агентов"³.

В экономико-теоретическом анализе в основе противопоставления "функция – институт" лежит реальная антитеза "неопределенность (стохастичность) – стандартность (детерминированность)", которая характеризует любую целенаправленную деятельность хозяйствующего субъекта. В этом лежит принцип непрерывности институционального формообразования в хозяйственной системе, где имеют место инновации или изменения внешних условий хозяйственной деятельности. Традиционные системы не развиваются институционально, потому что нормативно исключают (запрещают) существенные инновации.

Важной стороной природы институтов являются их *конфликтные* предпосылки. Институт рождается не только как автоматический способ рационализации повторяющихся действий, но еще и как способ согласования несопадающих интересов и целей взаимодействующих субъектов. В основе согласительной природы институтов лежит триада "контакт – конфликт – контракт". Институты обеспечивают потребности в снижении психологических, социальных и экономических расходов противостояния и конфронтации, не устраняя сам фактор взаимного давления субъектов (конкуренции) как необходимый механизм социальности.

Вербальные институты являются менее стойкими, поскольку "текст" чисто технически можно легко изменить, чего нельзя сделать с народным обычаем или традицией. Это иногда порождает иллюзию простоты и доступности сферы институционального формообразования для бюрократического контроля и вмешательства, тем более что обязательное условие взаимной адекватности вербальных и невербальных институтов далеко не очевидно. Иллюзорность такой подконтрольности институционального генезиса обнаруживается в нежизненности и формальном характере "искусственно созданных" институтов, неспособных обеспечить эффективность и согласование социально значимого поведения субъектов.

Институты в широком смысле могут быть как отдельными стандартными процедурами (например, институт эквивалентного обмена), так и разветвленной, более-менее однородной их совокупностью (блоки). Если стандартные действия требуют согласованного (совместного) участия разных специализированных профессиональных агентов, деятельность *которых регулируется* вербальными нормами, институты приобретают характер учреждений. Из этого *вытекают* и два существенных свойства любых институциональных форм: во-первых, они *обеспечивают* связь и преемственность исторических укладов социума; во-вторых, институциональная форма всегда относительна и недолговечна. "Институты – это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно,

³ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 73

не находятся в полном согласии с требованиями сегодняшнего времени"⁴, – так характеризовал эту сторону институтов Т.Веблен.

Благодаря институтам любое возможное действие относительно других людей не требует тщательного обдумывания или реагирования; мы действуем в соответствии с нормами, правилами и т. п., которые широко укоренились как указательные знаки общественной жизни, независимо от того, принимает ли каждый член общества их идеологически или политически. Вследствие этого имеет место своеобразная экономия "креативного ресурса", который применяется только к тем проблемам, которые еще не имеют стандартного решения. Институты дают возможность осуществления целенаправленных действий, делая действия других людей и организаций более предусмотренными. В то же время из-за своего специфического функционального назначения в социальной системе институты всегда относительно стабильные, инертные по отношению к своей деятельной основе, консервативные. Причина консерватизма институтов – в принципе консенсуса. Институт – это образ действий, который признается обязательным *всеми* субъектами (или, по крайней мере, их *большинством*), имеющими отношение к данному вопросу. Соответственно, пока большинство субъектов не воспримет (освоит) новый образ действий, старый обязательно остается в силе.

Здесь и таится одна из наиболее глубоких предпосылок институциональной динамики – *противоречие между деятельной основой и отчужденной вещевой формой института*. Институт всегда возникает как способ взаимного упорядочения *деятельности* субъектов, владеющих n измерениями свободы. Когда у субъекта появляются новые измерения свободы, его совокупные возможности деятельности становятся равными $n+m$. В этих условиях он вынужден или переступить узкую институциональную форму, действовать "не так, как все", или не использовать новые возможности и направления деятельности⁵.

Другая предпосылка институциональной динамики заключается в возможности угасания самой деятельности внутри институциональной оболочки под воздействием экзогенных (неинституциональных) факторов. При этом субъекты институциональной системы могут выступать и как активное начало таких изменений, и как их предполагаемый фон. М.Вебер отмечал: "Обобщественно объединенные в союзе индивиды могут сознательно менять установленный порядок при помощи новых общественно объединяющих действий; эти установления без какого-либо изменения в упомянутых действиях могут меняться сами по своему практическому значению для действий индивидов вследствие изменения усредненного постижения их "смысла", что распространяется, или особенно в результате изменения обстоятельств ("изменение значения", что неточно именуется также изменением цели), а иногда и вообще потерять свое значение"⁶.

Если некоторый институциональный комплекс завязан на крепком корпоративном или имущественном интересе, то корпорация может попробовать найти другую деятельную основу для обеспечения своего статуса, как правило, властного, иерархического. Как пример можно привести процесс "обуржу-

⁴ Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – С. 202.

⁵ Яременко О.Л. Переходные процессы в экономике Украины: институциональный аспект. – Х., – 1997. – С. 47.

⁶ Вебер М. Избранные труды. – М., 1990. – С. 517–518.

азивания" юнкерства при так называемом "прусском пути" развития капитализма в сельском хозяйстве Германии в позапрошлом веке. Очень характерно в этом плане стремление части советского партийного руководства в годы перестройки обосновать необходимость укрепления руководящей роли КПСС сложностью и новизной задач, стоящих перед обществом. Потом это стремление плавно переросло в процесс обуржуазивания постсоветской номенклатуры.

Потеря деятельной основы институтов, ведущей к их угасанию, обозначает нарастание хаоса, когда не согласовываются действия и поступки взаимодействующих субъектов, хотя это и затрагивает их интересы. Если субъекты слишком много могут по отношению к согласовательному потенциалу институциональной системы, в ней резко повышается уровень конфликтности, и значительная часть экономической энергии расходуется на прямое подавление "путающихся под ногами" конкурентов.

Специфика институционального статуса государства заключается в возможности "самоинституционализации", то есть в предоставлении атрибута легитимности тем правилам, которые в наибольшей степени отвечают интересам самого государства. Государство, владея в некоторой мере монополией на наделение того или иного образа действий атрибутом легитимности, может управлять (до определенного предела) темпами и этапами институциональной трансформации.

Противоречивое единство функции и института, обычая и выбора, усвоение правил свободного планирования действий является основой понимания внутренней основы изменчивости экономических и социальных форм. Именно институты могут служить ключом для понимания экономической системы как процесса изменений.

Датский исследователь Бьорн Йонсон, анализируя роль институциональных изменений в процессе долгосрочного экономического развития, выделяет три возможных подхода к данной проблеме⁷.

Согласно первому подходу, любые существенные изменения технологии, потребностей, преимуществ и т. д. требуют соответствующей *институциональной адаптации*. Если эта адаптация происходит достаточно быстро, но в то же время в определенной последовательности, то институциональные рамки всегда будут способствовать эффективному производству и распределению. Такие адаптивные институциональные изменения являются необходимой частью экономического роста, но отнюдь не независимым источником этого роста. Условием такого понимания является предположение, что индивидуальные и коллективные действия во имя собственных интересов в изменившихся условиях приводят к необходимости и институциональных изменений. "Невидимая рука" способствует не только достижению производительных результатов в рамках данной институциональной системы, но также и непрерывному росту эффективности институтов.

Иной вариант решения проблемы институциональной реакции на развитие технологического уклада может представлять собой более медленное изменение институтов относительно потребностей координирования и интегрирования, возникающих в новых условиях среды. Медленная адаптация

⁷ Bjorn J. An Institutional Approach to the Small Country Problem. — In: Small Countries Facing the Technological Revolution. Pinter Publishers, London and New York, 1988.

институциональной системы может приобретать форму длительного процесса приспособления участников хозяйственной системы к новым правилам поведения, или форму дискретного процесса институциональных инноваций, когда изменения проводятся осознанно отдельными агентами рынка и потом распространяются под влиянием конкурентного давления. Технологические и институциональные изменения кажутся независимыми друг от друга, но технологии выступают движущей основой.

При этом могут иметь место разрывы между технологическими и институциональными изменениями, но на длительных интервалах институциональные структуры, как правило, догоняют ушедшие вперед технологии, иногда – путем мощных институциональных рывков. Отличия в национальных темпах экономического роста могут быть обусловлены отличиями в степени соответствия технологий и институциональных структур. Развитие является результатом периодически возникающего конфликта между технологическим динамизмом и инерционностью институтов.

Третий возможный подход, как отмечает Б.Йонссон, состоит в признании взаимной независимости институциональных и технологических изменений, когда ни один из этих процессов не играет ведущей роли. Институциональные изменения далеко не всегда отстают от технологических. Более того, иногда институциональные инновации носят предупредительный характер, выступая стимулом технологического развития и фактором экономического роста. Например, современная технологическая революция может быть объяснена, в определенном смысле, как следствие институциональных инноваций. Глубоко и детально проработанные имущественные права на товары и изобретения облегчили присвоение доходов от инноваций. Организационные инновации в фирмах снизили расходы поиска новых технологий благодаря более эффективному мониторингу рабочих процессов. Наконец, новые институциональные формы образования и обучения, организации научных исследований, эффективное построение внутрифирменных исследовательских и проектных структур, усовершенствованное патентное законодательство содействовали институциональному оформлению небывалого до этого единства науки и технологии.

Сравнивая эти три различных подхода, Б.Йонссон отмечает, что альтернативными они кажутся только тому, кто хотел бы вообще обойти институциональную проблему и полностью сосредоточиться на свободных конкурентных рынках как на единственной и всеобъемлющей институциональной конструкции.

Вряд ли можно согласиться с тем, что технологии всегда находятся в процессе развития, а институты всегда упрямо блокируют, препятствуют и тормозят. Темпы экономического роста зависят от того, насколько жестко институты тормозят развитие технологий. Этот подход допускает существование некоторой "природной" скорости технологического прогресса, которая могла бы иметь место при отсутствии институциональной инерции.

Такая концепция представляется недостаточно адекватной. Можно согласиться с мнением Б.Йонссона, что роль институтов в экономическом развитии явно более творческая, чем в основании данного подхода. Любое техническое изменение основано на обучении и исследовании. *Что* можно открыть из неограниченного количества потенциальных знаний, зависит от того, *каким образом* люди учатся и исследуют, *как* это все организовано. То есть

это зависит от институтов. Институты создают условия для технологических изменений. Разные институты приносят разные виды и образцы технологических изменений и разнообразят формы их осуществления. Поэтому роль институтов не может быть сведена к роли препятствия и тормоза развития технологий. Скорее всего, технологии и институты *как и* отделены друг от друга, *так и* тесно взаимодействуют между собой. Понимание одной составляющей этой дихотомии зависит от понимания другой. Поэтому анализ экономического развития может быть построенным только на выяснении механизма связи между институциональными и технологическими изменениями.

Деятельность, опосредствованная постоянной институциональной формой, превращается в *функцию*, или, как принято говорить в социологии, *роль*. Если деятельность сама по себе – это, прежде всего, проявление *активности* субъекта, направленной на достижение *его* цели, то *функция* субъекта – это отражение его *зависимости* от социальных условий, его подчиненности системе и целям высшего порядка, где этот субъект выступает *средством*, *инструментом*.

Непосредственно эта зависимость субъекта проявляет себя в форме функциональных связей, которые отмечают меру соответствия деятельности субъекта ее функциональному назначению. Понятие "функционер", если на время отвлечься от его специфического содержания в эпоху государственного социализма, достаточно точно отражает эту обезличенность, функциональность и подчиненность субъекта, *деятельного* в рамках *института*.

Стойкие функциональные связи в экономической системе возникают только между субъектами, включенными в существующие институты. "Неинституционализированные" субъекты не могут подключаться к существующим в системе материальным, финансовым, информационным потокам. При этом институты не определяют сами по себе содержание функциональных связей. Принадлежность к институту выступает только как своеобразный пароль, дающий санкционированный системой (но не всегда законный) доступ к некоторому массиву ресурсов. В отрицательной форме именно такое понимание института выразил гоголевский городничий в своем знаменитом: "Не по чину берешь!"

Деструкция, угнетение и стагнация разных блоков институциональной системы по-разному отражаются на функциональных связях. Те связи, которые основывались на исчезнувших институтах, разрушаются в первую очередь. Например, в Советском Союзе институт "руководящей и направляющей силы" играл решающую роль в поддержке макроэкономических пропорций общественного воспроизводства. В условиях отсутствия рыночной координации и чиновничьего своеволия отраслевых министерств единым интегрирующим началом в советской экономике была дисциплина "партийного билета".

Параллельно с прямым влиянием институциональных процессов на функциональные связи в переходных системах усиливаются и влияния обратного порядка – когда тот или иной институт приходит в упадок из-за деструктивных процессов в функциональной сфере. Например, инфляционные процессы, в той мере, в которой они подавляют возможности и стимулы к сбережению дохода, побочно, но ощутимо подрывают институт семьи, несущей в рыночной системе основную ответственность за макроэкономическую функцию сбережения.

Институциональная форма деятельности не может означать полного подчинения (или подавления) своей деятельной основы. Чем в большей степени человек становится профессионалом, тем больше он имеет возможностей в своей деятельности переступать институциональные границы (что субъективно может проявляться как некоторая капризность, своеобразие профессионала). С другой стороны, возможна и обратная ситуация, когда из-за недостаточного профессионализма субъекта происходит полное отчуждение вещевой формы института от его деятельной основы, как это, например, показал К.Маркс в анализе отделения капитала-собственности от капитала-функции. Относительная стабильность, стойкость во времени и социальном пространстве институциональных границ капитала неминуемо входит в углубляющийся конфликт с непрерывным процессом профессионализации управленческой деятельности, требующей новых и новых знаний, навыков, сфер общения, каналов информации и т. д.

Текучесть, подвижность деятельной основы институциональной структуры общества на определенных этапах может приводить к постепенной деградации определенных институтов или даже к *локальным* институциональным катастрофам. Но если общая сумма институционального давления не ниже определенного предельного значения, то система сохраняет свое качество, и благодаря этому любая профессиональная деятельность, сломавшая свои устаревшие институциональные границы, находит для себя новые – из числа имеющихся институциональных форм и их комбинаций. Большинство концепций реформизма, может, и неосознанно, отталкиваются именно от этой тенденции.

Конфликт между деятельной и формальной стороной институциональной структуры может служить, в определенном смысле, ключом для понимания эволюции системы государственного социализма. В основе внутреннего перерождения государственной собственности лежал процесс реальной приватизации и деидеологизации управленческой деятельности руководителей социалистических предприятий под влиянием объективных технологических потребностей. Однако из-за гипертрофированной институциональной инертности советского общества формой этого процесса стали "личная нескромность", злоупотребление служебным положением, хищение социалистической собственности и т. д. Любая эффективная деятельность, корыстная или некорыстная, была объективно вынуждена переступать институциональные границы государственной монополии на хозяйственную деятельность и идти "в тень". Параллельно с этим государственная (общенародная) собственность, постепенно терявшая деятельную основу, все больше превращалась в мертвую форму, пока не оказалось, что реанимировать ее уже невозможно. Это и послужило основной предпосылкой институциональной катастрофы советской системы.

Диалектика *деятельности и института* особенно обнаруживается в переходных системах. Здесь деятельная основа подавляющего большинства институтов начинает преобладать над их исторической устойчивой формой. Институциональное давление на большинство субъектов существенно слабеет. Это касается большинства общественных институтов, начиная с их семейного блока, господствующих хозяйственных форм, моральных ограничений и заканчивая государственными институтами. Бесструктурная деятельность как форма высвобождения (то есть напрасная трата) социальной энергии

гии, позволяет системе снизить свой энергетический потенциал до приемлемого уровня и в то же время выбрать из наличествующего институционального материала соответствующие блоки для создания новых институтов. Симптом "социальной усталости" населения, безразличия масс к вопросам власти в обществе, укладу политической и экономической системы является признаком кристаллизации новой институциональной структуры.

Очень "разогретая", слишком активная социальная масса не пригодна для того, чтобы упорядочиться в более-менее гармоничную систему. Поэтому система отводит часть накопленной энергии в среду и получает способность к возобновлению процесса самоорганизации. Точки роста кристаллов новой институциональной структуры задаются, *во-первых*, уцелевшими фрагментами прежних институтов; *во-вторых*, дремлющими генетическими элементами, которые были активизированы кризисной ситуацией; *в-третьих*, привнесенными извне формами и стереотипами деятельности, смогли стать довольно распространенными и стандартизированными в новой для них среде.

Важным аспектом переходных процессов является внешний фактор и внешняя координата. Открыв ранее не доступные каналы чужих ценностей и критериев, система как будто получает основания засомневаться в собственной ценности. Усиливается внутренняя неопределенность, что создает благоприятный фон для интенсивного поглощения внешней информации. Как правило, этот процесс сопровождается иллюзией, что скоро данный социум станет *таким же*, как и те, кто достиг успеха. Людям становится тяжело нести груз свойственных этой стране неповторимых обычаев, норм, формальных и неформальных ограничений.

В равновесном состоянии элементы системы "тесно упакованы", подогнаны друг к другу благодаря их функциональному взаимодействию. Функциональные связи играют роль своеобразных "иммунных сил" социального организма, защищая его от несанкционированного проникновения посторонней информации извне. Переходные состояния влекут за собой регулярные сбои в установившихся связях, из-за чего нарушается мера единства основных элементов. Это свойство перехода может быть определено как *дисфункциональность*. Благодаря этому свойству переходная система как бы теряет самодостаточность, открывается для восприятия новой информации и формирования нового системного качества.

Ключевую роль в переходных процессах играют не функциональные связи, а фундаментальные структуры, отражающие предыдущее состояние системы в виде ее генетической основы. С точки зрения предмета этого исследования это означает, что переходная система более "институциональна", чем функциональна. Эти фундаментальные структуры могут быть при определенных условиях точками кристаллизации новых институтов. Благодаря этому в переходных состояниях прошлое системы актуализируется, становится реальным участником развития событий.

Для переходных состояний характерно нарушение соотношения между внутренними и внешними факторами, присущее "спокойному" состоянию системы. Роль внешних факторов, в особенности информационная, становится аномально большой, поскольку перестают работать естественные защитные силы социального организма, защищающие его от посторонней информации. Наибольшая вероятность вхождения системы в переходное состояние возникает в случае ее прохождения вблизи "особенных точек"

внешней среды, так называемых аттракторов, которые притягивают систему в зоне неустойчивости.

Неопределенность переходного процесса обусловлена увеличением степени свободы отдельных элементов системы. Деградация ограничений и запрещений расширяет поле допустимых действий, реакций, сигналов и т. д. Из-за этого численность возможных состояний резко увеличивается. Такая неопределенность вызывает значительную вариабельность результата. Социальная система – один из самых сложных объектов и как таковой обнаруживает при переходе очень высокую вариабельность итогового состояния.

В случае восстановления равновесия количество возможных последствий ограничивается характеристиками начального состояния системы, спецификой особых точек (аттракторов), характером взаимодействия системы с внешней средой. Множество последствий включает в себя и такое следствие, как гибель системы. Существенным моментом, определяющим заблаговременно судьбу системы, является соотношение *размерностей* системы и внешней среды. Недостаточная размерность системы при интенсивном подведении информации и энергии извне вызывает "разогрев" и нарастание хаоса.

Таким образом, содержание механизма институциональных изменений, включает в себя:

- 1) стабильную институциональную основу, детерминирующую безальтернативную составляющую функционирования хозяйственных систем на всех уровнях;
- 2) институциональные инновации, обусловленные изменениями в деятельности (технологической) основе институтов;
- 3) разрушение институтов как отражение эндогенного процесса их исторического старения (амортизация) или стохастических по своей природе деструкций (шоков) экзогенного характера;
- 4) средство соединения первых трех моментов, определяющих их соотношения и каналы взаимодействия.

Все элементы механизма институциональных изменений благодаря их взаимодействию и системного единства в процессе институциональной эволюции взаимно преобразуются. Положительная роль институционального разрушения возможна в создании свободного социального пространства для институциональных инноваций; процесс институциональной деструкции может возникнуть в результате несистемных инноваций; историческая амортизация институтов, если их не замещают новые институты, способна привести к общей институциональной деструкции и гибели хозяйственной системы.

Исходя из такого представления о фундаментальных основах институциональных изменений, можно прийти к выводу, что стратегическим направлением институциональной перестройки переходного общества должна стать профессионализация рыночной, социальной и государственной деятельности, стимулирование развития негосударственных институтов. Профессиональная корпоратизация, структуризация и консолидация гражданского общества переводят его в одну "весовую категорию" с организованной государственной машиной. Государство вынуждено относиться к организованному и структурированному социуму как к достойному партнеру в неотвратимом конфликте по поводу взаимной ответственности и полномочий.